

Страж её сердца

Автор:

Оливия Штерн

Страж её сердца

Оливия Штерн

Страж её сердца #1

Древнее проклятие сделало ее двуликой, способной обращаться в хищную крылатую тварь...

Древнее проклятие лишило его семьи, оставив лишь ненависть к тем, кто приходит из-за Пелены...

Однажды они встретились, страж Святого Надзора и двуликая воровка. Теперь она живет в его доме и ее жизнь зависит от его желаний. Но все ли так, как кажется на первый взгляд?

Оливия Штерн

Страж её сердца

Пролог

В ночи особняк напоминал скалящийся череп. Таращился провалами окон-глазниц, скрипел редкими досками-зубами на заколоченных окнах. Вокруг, запутавшись в ломаных тенях, шуршал и шелестел непомерно разросшийся сад.

Старые яблони протягивали искореженные временем и ветрами ветви к холодной луне, а земля была усыпана гниющими яблоками, которые никому не были нужны. Откуда-то издалека, из Роутона, доносился надрывный собачий вой.

Сидя на толстом суку прямо над острыми пиками ограды, Алька ежилась от ветра. Если бы не знала, что особняк обитаем, не полезла бы ни за какие пряники. Слишком жутко, кровь стынет в жилах, кажется, что бродят по коридорам бледные призраки и выглядывают в окна, что на втором этаже и не заколочены.

И тем не менее Алька точно знала, что особняк не пустовал. Несколько дней она только тем и занималась, что сидела в придорожных кустах, наблюдая и делая определенные выводы. В особняке, что мрачно возвышался над старым садом в паре миль от Роутона, жил пожилой ниат и такая же пожилая ниата. Они не были богаты, если судить по протертому на локтях сюртуку мужчины и шляпе, вышедшей из моды, наверное, еще до рождения Альки. Старушка еще старалась прихорашиваться, но свежие воротнички, которые она пришивала к платью, тоже были безнадежно стары – собственно, как и их хозяйка. За особняком они почти не ухаживали, почему-то держали окна внизу заколоченными. Ниата в саду, где позволяло место, разбила небольшую грядку и растила там капусту и морковь. Собственно, уже и урожай собрала. Осень ведь.

Алька и сама не знала, на кой ей сдался особняк. Да и совесть неприятно царапала, цепляя тонким когтем чувствительную струну.

Впрочем, Алька не собирается пускать стариков по миру. Возьмет совсем немного, может быть, несколько серебряных ложек. На вырученные деньги они с Тибом спокойно перезимуют – ну, если будут очень скромно жить. А еще Тиб часто просил пряник, вон тот, какой мама часто покупала. Алька же не могла купить Тибу пряник в виде скачущего конька, отчего чувствовала себя последней дрянью. Обещала ведь, что будет заботиться о малыше. А получалось плохо.

Вот так и оказалась она ночью рядом с особняком. Сидя на толстом суку над острыми пиками чугунной ограды, Алька слушала ночь. Наверное, старики легли спать. А собак они не держали. Поразительная беспечность. И у нее все получится, как и в прошлый раз, как и в других домах. Алька была тощей и легкой, так что могла без особых усилий и пролезть в приоткрытое окно,

и забраться по заросшей плющом стене. Последнее, как она подозревала, было наследием двуликости. Даже печать Надзора не вытравивала из нее сущность проклятых крагхов. Да-да, тех самых, что жили за Пеленой и время от времени нападали, похищая и мужчин и женщин. Альке не повезло родиться двуликой. Да ей вообще мало в чем повезло.

Впрочем, можно сколько угодно сидеть на ветке и размышлять о несправедливости судьбы. Денег от этого не прибавлялось. И Алька решилась: аккуратно перебралась за ограду, повисла на руках и неслышно спрыгнула на землю. Под башмаком сочно хрустнуло раздавленное яблоко.

Она замерла, прислушиваясь. Пахло сыростью, землей, яблоками.

Не верилось, что все будет так просто.

Старики не держали собак, но это вовсе не значило, что они не пользуются иными охранными средствами. Гильдия артефакторов торговала недорогими артефактами на все случаи жизни, и Алька даже купила один такой, от грудной лихорадки, повесила на шею Тибу. Обещала вырастить мальчика, значит, вырастит.

Она крадучись двинулась к дому, обходя его, выискивая черный ход. Сбоку одно окно тускло светилось, наверняка там и была спальня стариков. Алька вздохнула. Несколько серебряных ложек – и она уйдет. Если бы не Тиб, все было бы куда проще. И ей легче. Хотя не факт. Тогда она все равно стояла бы перед выбором: воровать или продавать себя. А на работу тех, кто с печатями Надзора, не брали. Двуликих в Роутоне терпели, но при этом тихо ненавидели, шипели вслед «крагхово отродье». Хотя, если разобраться, двуликие не были полукровками. Это просыпалось само. Внезапно. У людей, которые не имели никакого отношения к тварям из-за Пелены.

Дверь черного хода оказалась заперта, но Альку это не смутило. Она увидела, что на втором этаже оконная рама чуть приподнята. Образовалась щель, в которую Алька могла протиснуться, а там, главное, не заплутать в чужом большом доме. Она похрустела пальцами, разминая их, подошла к стене и привычно ловко, цепляясь, как муха, за малейшие неровности в старой стене, забралась к окну. Снова прислушалась. На ветру поскрипывало, шелестело, шуршало. Альке почудились голоса где-то в доме, она осторожно заглянула в

окно, но там была крошечная темень. Ни души, ни огонечка. Девушка выдохнула, подтянулась на руках и неслышно вползла в окно. Внутри уперлась ладонями в пыльный пол, затем спустила ноги и тут же собралась в комок, готовая к немедленному бегству.

Ничего.

Пахнет пылью, сыростью, заброшенным домом.

Сидя на корточках, Алька с интересом рассматривала обстановку комнаты, в которой оказалась. Ну а что, комната как комната. Мебель в тканевых чехлах. Люстра на потолке тоже обмотана тюлем, с нее в лунном свете свисают космы пыльной паутины.

Алька поднялась, распрямила спину. Угадав под чехлом шкаф, она подошла, сдернула ткань и не сдержала разочарованного вздоха. Книги. Всего лишь книги. К сожалению, их продать куда сложнее, чем серебро. Но взяла на заметку. Если ничего не найдет, вернется и заберет пару томов. В другом шкафу оказался фарфоровый сервиз, он светился молочной белизной в потемках, но все равно был вещью бесполезной. Понятное дело, что есть все шансы до Роутона донести черепки.

В этот миг что-то звонко щелкнуло за стеной, Алька скользнула к окну, застыла, обливаясь холодным потом... Но нет. Снова дом окутала сонная тишина.

И тогда она решилась. Нелышно подобралась к двери, повернула ручку – оказалось не заперто. И Алька, забыв, как дышать, приоткрыла дверь, ведущую из комнаты в коридор.

Там было темно. И тихо. И пусто.

И старая, истертая до дыр ковровая дорожка под ногами. Лунный свет, падающий сквозь окно, выхватывал блеклое пятно на полу, а дальше – снова чернильный мрак.

Алька, облизывая пересохшие от волнения губы, сделала шаг. Еще один. Наверное, нужно было вернуться, взять две или три книги и попытаться их

перепродать букинисту с площади Победы Порядка. Но как будто что-то тянуло вперед. Глупость, не иначе.

Девушка подошла к соседней двери, осторожно толкнула ее, мягко выкручивая ручку. Дверь поддавалась с тихим скрипом, в лицо дохнуло гарью.

«Странно», – подумала Алька, проскальзывая в щель и пытаясь оглядеться.

Печать Святого Надзора внезапно зачесалась так, как чесалась много лет назад, заживая. Девушка не выдержала и поскребла ногтями рубец, что сразу под левым глазом, на полщеки. Святой Надзор он такой, не забалуешь. И в это время взгляд зацепился за темный силуэт на фоне окна. Высокий, плечистый.

Все внутри резко сжалось в комок и ухнуло в ледяную бездну.

Воздух внезапно застрял в горле, словно песок.

Алька подалась назад, к спасительной двери. Как, как она могла не заметить, что в комнате кто-то был? И запах этот, гарь... откуда? Портал, всего лишь портал. Этого человека не было в комнате, когда она лезла в дом. Он пришел только что.

Тело перестало слушаться. От печати внутрь черепа ввинтилась едкая боль, лишаящая сил, выбивающая слезы из глаз. Боль нарастала, уши заложило. Алька неуклюже грохнулась всем телом об пол и поняла, что ее сейчас... будут бить.

Или даже просто убивать.

Но Тиб? Как же он?

Извиваясь червяком и ничего перед собой не видя, кроме мельтешащего кровавого марева, она на локтях ползла к двери.

Сипло вскрикнула, когда на шею опустилась жесткая подошва, безжалостно придавив к полу. Тот, кто это делал, получал явное удовольствие от мучений неудавшейся воровки.

«Тиб. Как же он?» – колотилось в висках.

И Алька не выдержала, жалобно захныкала, царапая ногтями пол.

Как же больно. И проклятая печать не отпускает, корешками разрывает мозг, натягивает пламенеющую сетку...

– Какая прелесть, – слышалось сверху, – двулика в моем доме! Главное – знать, когда вернуться.

Слепая, беспощадная сила смяла Альку, словно лист бумаги. Ее ломало, скручивало так, что казалось, кости выскакивают из суставов. Наверное, она кричала. А потом все резко закончилось, кто-то взял ее и с размаху макнул в непроглядное ничто.

Глава 1

Приор Роутона

Лучи восходящего солнца падали косыми снопами сквозь чистое, явно вымытое накануне окно и золотили лысую макушку судьи. Он был немолод и не привык просыпаться рано, а потому был крайне раздражен и недоволен, когда его разбудил очень настойчивый посетитель. При виде приказа с печатью самого Магистра Надзора, однако, попытел и засунул свое недовольство куда подальше. А теперь просто сидел за столом, вяло всматриваясь в вязь золотых букв, время от времени поглядывая на того, кто, собственно, сдернул с мягкой кровати и заставил тащиться в городскую тюрьму.

Кто способен на такое?

Только приор Святого Надзора, ночью прибывший в Роутон. На место своей службы.

– Так чего вы хотите, ниат Эльдор? – наконец буркнул судья. – Конечно же я поздравляю вас со столь высоким назначением. Мы, олицетворение правосудия, всегда жили мирно со Святым Надзором, но я не совсем понимаю... э-э-э... в чем, собственно, вопрос.

Мариус откинулся на жесткую спинку стула, прищурился, глядя на судью. В груди клокотала злость, и не будь судья столь уважаемым и убеленным сединами, уже выплюнул бы пару зубов. Нет, прав, бесконечно прав был Магистр: Роутон погряз в ереси, потворствует преступлениям, творимым двуликими. Разберись, Мариус, в чем там дело. Твари из-за Пелены и двуликие отродья не должны вызывать ни жалости, ни сочувствия. Но Пастырь с крагхами, не должно быть снисхождения к тем, кого коснулось проклятие двуликости. От этого все беды: мы не видим в человеке чудовища.

– Что тут может быть непонятного? – хмурясь, поинтересовался Мариус. – Я поймал в собственном доме воровку, которая оказалась двуликой. Я мог бы казнить ее на месте, но, поскольку светские власти Роутона – как мне сказали – всегда сотрудничали с Надзором, решил отдать ее вам. В соответствии с уложением пятисотого года от Великого Раздела, ворам положено рубить руку. В соответствии с поправкой Надзора, всякое наказание удваивается для двуликих. Соответственно, эта дрянь должна лишиться обеих рук.

Судья посмотрел на него исподлобья так, как смотрят на душевнобольных.

– Послушайте, ниат Эльдор. Здесь ключевой момент – воровка. Эта девушка что-то украла? Нет. Вы просто застали ее в своем доме. При ней вы не нашли ничего, что могло бы принадлежать вам.

– То есть вы не желаете сотрудничать со Святым Надзором, – все еще щурясь, уточнил Мариус. – Весьма прискорбно. Мне придется сообщить об инциденте Магистру.

Судья заметно вздрогнул и поежился, как будто стал меньше. Магистр... С Магистром Надзора никто не хотел связываться. Никто. Даже его королевское величество.

– И не жаль вам ее? – неожиданно спросил он, не глядя в глаза. – Отрубить обе руки значит обречь на смерть, мучительную и голодную. Не проще ли сразу

голову?

Мариус пожал плечами.

– Все в рамках законодательства, судья Брисс. Голову рубят за другое, и вам это известно. И не жалко. Само существование двуликих ставит под угрозу существование земель Порядка, вы ведь знаете об этом. Там, где двуликих много, обязательно рано или поздно появится прорыв Пелены. А там, где прорыв, там взбесившиеся крагхи и рой. Вам доводилось видеть хоть раз, что такое нападение крагхов? Настоящее нападение? Не то, когда они утаскивают к себе девок, а когда просто хотят крови?

Он сделал паузу, выжидая, когда же судья поднимет глаза. Но мужчина сидел, съездившись, и с нарочитым интересом рассматривал столешницу. А утреннее солнце плясало, искрилось на гладкой лысине. Мариус скрипнул зубами. В груди стало горячо, еще немного, и с рук сорвутся огненные плети, переполосуют этого жалкого мужичонку, который только и умеет, что отсиживаться за спинами стражей, да еще жалеет двуликих.

– Я сомневаюсь в том, что вы видели что-либо подобное, – наконец просипел Мариус. – Если бы вы видели хотя бы десятую долю того, что довелось повидать мне, то не задавали бы сейчас глупых вопросов, а позвали бы палача и выполнили свой долг. Магистр предупреждал меня, что ересь овладела Роутоном. И я здесь для того, чтобы вернуть заблудших на верный путь.

Судья наконец поднял взгляд, и Мариус понял, что победил. Сломал этого жалкого старика. Заставил бояться.

– Хорошо. – Голос Брисса дрогнул. – Хорошо, воля ваша, приор.

И потянулся к шнуру, уходящему вверх, в отверстие в стене. Дернул несколько раз, прежде чем в дверь ввалился небритый детина в мундире нараспашку.

– Вильс, приведи двуликую. – И, тяжело глянув на Мариуса, добавил: – Я оглашу приговор в вашем присутствии, чтобы у Святого Надзора не возникло вопросов.

Он что, посмел иронизировать?

Мариус холодно улыбнулся в ответ. Ничего, пусть. Раз уж его определили в эту дыру приором, он сделает все, чтобы в головах роутонов возникали только правильные мысли. Надо будет запросить с десятков стражей, чтобы воспитательная работа шла веселее.

Девку притащили быстро. Мариус только мельком глянул – маленькая, тощая. Даже истощенная. Лицо под спутанными волосами белое как мел, исчеркано кровавыми дорожками. Ну, Мариус знал, как магия печати действует на двуликих. Хорошо еще, что собственной кровью не захлебнулась. Губы синие, дрожат. И запястья в наручниках, а пальцы худые, грязные. Птичьи лапы, а не руки. Вообще, он бы никогда не подумал, что это особь женского пола. На вид забитый пацан лет пятнадцати. Только вот чутье стража, привитое в Надзоре, сразу дало понять – девка. В латаных штанах, грязной рубашке и порванной жилетке. Но девка.

Судья Брисс поднялся, окинул взглядом присутствующих.

– Назовите себя, фье[1 - Фье – обращение к женщине или девушке низшего сословия.].

Воцарилось короткое молчание. А Мариус внезапно почувствовал на себе взгляд двуликой. Ему не хотелось оборачиваться, не хотелось марать себя, глядя на тварь, но все же обернулся. У нее были большие блестящие глаза, темно-серые, как графит. И чернильная печать Надзора во всю левую щеку, вязь священных символов, дающих власть над тварями двуликими.

Мариусу очень не понравился ее взгляд. Так смотрят на тараканов. Или на крыс.

– Фье! – подал голос судья.

– Алайна Ритц, – прошептала девка.

– Фье Ритц, ниат Эльдор обвиняет вас в том, что вы забрались в его дом с намерением совершить кражу. Это... так?

Она, наверное, понимала, что отпираться бесполезно, и уронила голову на грудь. Мариус поморщился. Ему уже хотелось поскорее покончить со всем этим,

вернуться в особняк и наконец заняться делами хозяйственными. За долгое время его отсутствия дом запустили, но сердиться на двух стариков он просто не мог. Все придется делать самому.

- Так, - наконец ответила двулика.

Брисс пожал плечами и медленно поднялся.

- Тогда в соответствии с ныне действующим законодательством и поправками Святого Надзора вы приговариваетесь к отсечению обеих рук до локтя. Приговор будет приведен в исполнение вечером на закате.

Мариус дернул бровью. Совершенно непонятно, к чему время тянуть? Но промолчал. Пастырь с ним, с судьей. А порядок в Роутоне он наведет. Магистр не будет разочарован.

- Обеих рук? - повторила девица, словно во сне. - Но это же...

«Это смерть, - удовлетворенно произнес про себя Мариус. - Одним двуликим меньше».

Он снова, сам того не желая, поймал ее взгляд - взгляд зверька, которого загнали в угол и которому совершенно нечего терять. Наверное, если бы не печать, то перекинулась бы сейчас, исполосовала всех когтями, искрошила, измолола... Но печать Надзора - великая вещь. Тянет силу из двуликих, напитывает Око Порядка, и только благодаря этому еще не прорвалась Пелена. Так говорил Магистр, и у Мариуса не было повода усомниться.

Девка вдруг рванула вперед, Вильс не успел ее схватить.

Рванула и бухнулась на колени перед Мариусом, вцепилась своими птичьими пальцами ему в штанину. Залопотала, заглядывая в лицо:

- Благородный ниат! Прошу... Я знаю, вы хороший человек... Заберите моего брата, отдайте в приют... Я его заперла, он погибнет! Горчичный проулок, три!

От прикосновения двуликой Магистра передернуло. Он невольно подался назад, резко поднимаясь на ноги. Стул с грохотом опрокинулся.

- Уведите, - прикрикнул на судью, - иначе...

- Да ей-то уже все равно, - холодно ответил Брисс. - В самом деле, уведите, Вильс.

Мариус не без труда отодрал от себя костлявые руки, отшвырнул девку - ее поймал все тот же Вильс.

- Благородный ниат! - Она уже вопила во все горло. - Спасите, умоляю! Он просто человек, вы не можете отвернуться от человека, Пастырь покарает!

И уже из-за двери донеслось хриплое:

- Горчичный проулок, три! Его зовут Тибери?к!

Лязгнул дверной замок, с притолоки посыпалась белая труха. Мариус вздохнул, поборол желание отряхнуть штаны после того, как за них цеплялась двуликая тварь, затем поднял стул. Судья Брисс с любопытством смотрел на него, положив двойной подбородок на сцепленные пальцы рук.

- Вы довольны, ниат Эльдор?

- Вполне.

- Можно вопрос?

- Извольте.

Он снова уселся на стул, положил ногу на ногу, рассматривая носок начищенного сапога.

- Почему вы так ненавидите двуликих? Они ведь и пользу приносят. Вроде как напитывают это ваше Око Порядка.

– Я уже объяснил. Слишком много двуликих – прорыв Пелены. С той стороны. Рой и крагхи. Рой, судья. Когда катится рой, позади остаются куски мяса. Недоеденные куски, понимаете? К тому же двуликость – это еще хуже, чем крагх. Потому что мы видим в чудовище человека...

– И не видим в человеке чудовище, – вздохнул судья. – Я понял вас, приор. А теперь прошу прощения, если у вас нет больше ко мне дел, я бы...

– Разумеется.

Мариус знал, когда лучше всего уйти.

И потом, его ждал заброшенный дом. Робин и Марго, которые знали его еще мальчиком. И Ровена. Наверняка ей донесут, что муженек-неудачник вернулся. И хорошо бы это случилось как можно позже.

Выйдя из тюрьмы, Мариус несколько минут постоял на площади, дыша полной грудью. Осенний Роутон был хорош. Вот дворник неторопливо шорхает метлой по мостовой, вот парень катит тачку с овощами. Клены, высаженные вокруг площади, начали желтеть, за ними белеет высокий шпиль городского управления. А если посмотреть за лomanую кромку городских крыш, виден редкий белый дымок хлопковых мануфактур, а чуть дальше – тяжелые клубы черного дыма литейной мануфактуры. Но сюда, к центру Роутона, дым не несло. Роза ветров была такова, что все уносило прочь, и потому в городе царил по-осеннему бодрящий, прозрачный воздух.

Нет, Роутон, конечно, не столица.

Но и не совсем дыра, видали и похуже.

А помимо прочего, Роутон был его родным городом. Здесь родился Мариус Эльдор, здесь он потерял родителей, здесь его нашел Магистр... И здесь же его угораздило жениться.

Потоптавшись на площади, Мариус неторопливо пошел в сторону роутонского отдела Надзора. Все же не зря Магистр озаботился тем, чтобы у этих земель

появился приор. Пелена подступала здесь слишком близко, первый пузырь вздулся всего в десяти милях от города. Пока что держалась радужная мембрана. Но ежели и дальше будут прибывать двуликие, очень даже возможен прорыв, и тогда... Не совсем, правда, понятно, что придется делать с двуликими. Иногда они просто такими рождались, ведь способность оборачиваться крагхами была проклятием последней магической войны. Убивать их? Вроде бы не совсем правильно. Попытаться рассредоточить по землям, чтоб не образовалось центра притяжения Пелены?хлопотно, но вдруг это единственный способ?

Хотя он бы их истребил, этих двуликих. Потому что чудовища. Крагхи, прячущиеся под человеческой личиной.

Мысли вернулись к последнему сражению с роем. Неведомо как, но крагхи растили таких тварей, что человеческий рассудок был просто не в состоянии справиться с кошмаром. Бронированные богомолы размером с дом, щупальца с крючьями, которые так же легко вспарывают стальную броню, как нож размякшее на солнце масло. Или вот многоножки тоже хороши. И ничем не пробить костяные пластины, кроме магии. А сами крагхи – смех, да и только. Почти что птички, когтистые птички в самых настоящих перьях. С крыльями.

«Ну ничего, мы еще поборемся», – раздраженно думал приор Роутона.

Он сделает все возможное и невозможное, чтобы оградить город от прорыва. И пусть для этого придется истребить всех двуликих, что здесь поселились. Горожане просто не представляют себе, что такое прорыв и что такое рой, и вот отсюда все эти стенания о милосердии и жалости. Они просто не видели.

Мариус шагал по утреннему Роутону, и с каждым шагом настроение улучшалось. Он понимал, что вправить мозги местным будет нелегко, но он тоже не абы кто. Приор Святого Надзора. Он побеседует с местными жрецами Пастыря, вот откуда надо начинать плясать. Содержание голов горожан почти полностью зависит от содержания проповедей.

Остановился перед открывшейся булочной, там как раз хозяин водружал на прилавок корзину свежих рогаликов, присыпанных сахарной пудрой. Можно было порадовать своих стариков. Мариус толкнул дверь, с удовольствием вслушиваясь в звон колокольчика, потянул носом божественный аромат. Хозяин профессионально улыбнулся.

– Доброго утра, ниат. Отведаете моих рогаликов с яблочным повидлом?

– Заверните десяток. – И Мариус полез в кошелек за деньгами.

Став приором, он мог вообще не задумываться о тратах. Наверное, теперь бы Ровена его оценила, но... не нужно уже. Прошло и перегорело.

Из пекарни он выходил, прижимая к себе теплый пухлый пакет из хрустящей бумаги. Теперь можно было заглянуть на службу, в местный Надзор, а потом все же взять повозку и поехать домой. Но тогда рогалики остынут, а холодный и зачерствевший рогалик – совсем уж не то. Так что Надзор никуда не денется. А Марго и Робин дождутся свежей выпечки.

Приняв решение, Мариус заторопился на угол площади, где собирались извозчики. Проходя мимо узкого переулка, откуда повеяло сыростью и помоями, увидел надпись на табличке: «Горчичный проулок». И остановился.

Что там вопила эта дрянь двулика?

Горчичный проулок, три. Пастырь не простит. Он человек.

Разве может быть у двуликой брат человеком?

Мариус хмыкнул и уже было двинулся дальше. А перед глазами совершенно некстати всплыло перекошенное бледное лицо девки, которой к вечеру отрубят руки. Она не лгала. Так нельзя лгать. И даже не за себя просила, не умоляла оставить ей ее тощие грязные руки.

Как его там зовут, этого брата? Тиб... Тиберий? Нет, Тибери?к.

Он вздохнул и свернул-таки в проулок.

Дома здесь напоминали узкие полки в архивах Надзора. Некрашенные, старые, кое-где подгнившие. Окна завешены пыльными тряпками. Мариус много раз хаживал мимо этого проулка, но никогда не обращал внимания, что почти в центре города существует такая вот червоточина. Поискал глазами цифру «три» на облупившейся и утратившей цвет двери. Крошечное оконце со старательно

вымытым – о чудо! – стеклом и веселенькой синей занавеской.

Ну что ж, поглядим.

Мариус решительно постучал. С той стороны была тишина.

Он даже улыбнулся. Зачем врала? Плела какую-то чушь про брата, запертого в доме. Надеялась выторговать помилование?

– Кто там? – раздался едва слышный голос.

Улыбка так и застыла на губах. Все же правда...

– Это ты, Тиберик? – громко спросил Мариус.

– Я, – донеслось из-за двери. – А вы кто?

– Откроешь мне?

– Нет. – Голосок был тоненький, ломкий. – Алечка меня вечером заперла и ушла. И до сих пор не вернулась.

И вряд ли уже вернется.

Никто не будет с ней возиться, отрубив руки. Тут либо родня должна лекаря привести, либо сам вор найти в себе силы перевязать раны. Двулика же, скорее всего, быстро умрет от боли и кровопотери.

– Кто это – Алечка? – все же спросил Мариус.

– Сестричка.

– Открой, – вздохнул устало, – она вряд ли вернется.

– Я же сказал, не могу. Дверь заперта, – и всхлипнул.

– Тогда отойди подальше. – Этот детский всхлип отчего-то резанул по нервам.

Мариус выждал секунду, а потом высадил хлипкую дверь ударом ноги. И застыл на пороге.

Нет, он, конечно, многое повидал за тридцать лет своей жизни. Но, пожалуй, впервые столкнулся с такой чистой и опрятной нищетой.

Комнатка была крошечной. Мебель отсутствовала. В углу лежал соломенный тюфяк, аккуратно застеленный старым одеялом. В другом углу стопочкой стояли несколько тарелок и одна большая кружка. А на узком подоконнике, крагхов хвост, красовалась маленькая вазочка с белой розой.

И посреди этого нищенского великолепия стоял мальчик лет пяти, одетый тепло и аккуратно, в потрепанных, но целых башмачках, в чистой рубашке и курточке. Одежда мальчика выглядела куда лучше, чем лохмотья той двуликой.

Но самое главное было то, что малыша не коснулось проклятие двуликости. Девка не соврала.

Тиберик поднял на Мариуса голубые, огромные, как плоски, глаза и спросил:

– Дядя, а вы кто? Алечкин друг?

Мариуса передернуло. Глядя в чистые детские глаза, он не смог соврать – а видел самого себя, маленького, беззащитного, как сидел, съежившись, под столом и смотрел, как одна за другой на пол плюхаются тяжелые темно-вишневые капли.

– Н-нет, не друг... А где твои мама и папа?

Малыш пожал плечами:

– У Небесного Пастыря.

– А почему они ушли?

– Я не знаю. Не видел.

– Так вы здесь вдвоем жили?

– Да-а... – Малыш задумчиво посмотрел на выбитую дверь, затем снова на Мариуса. – Алечка вернется – рассердится. Хозяйка будет ругаться. Вредная. А Алечка говорит, что у нас слишком мало денег.

– Идем со мной! – Слова вылетели быстрее, чем приор Роутона успел их как следует обдумать.

А перед глазами одна за другой падают на пол крупные густые капли. Падают и разбиваются с противным шлепающим звуком. И где-то там мама и папа, и почему-то жуткая тишина вокруг. Тяжелая скатерть шевелится, приподнимается, на Мариуса смотрит черноглазый и черноволосый мужчина. Пойдем со мной, малыш.

– Я не пойду без Алечки, – замотал головой Тиберик, – она не разрешает.

– Идем, – повторил Мариус уже вполне осознанно. – Я отведу тебя к себе. У меня большой дом, куда лучше, чем этот.

– А как же...

– Идем. Хочешь вот рогалик?

Нырнув рукой в пакет, Мариус достал присыпанное сахарной пудрой чудо и протянул малышу. Трудно побороть такой соблазн, когда громко урчит в животе.

– Половинку, – серьезно сказал малыш, – а половинку Алечке.

– Ты всегда с сестрой делишься? А она с тобой?

– Она не делится, – грустно сказал Тиберик, – она просто свое мне отдает. Даже когда очень голодная.

– Идем! – Мариус решительно взял малыша за руку.

Ощувив, какими слабыми и худенькими были пальчики, почувствовал почему-то укол совести.

Значит, они жили здесь, маленький человечек и двуликая, которая жертвовала всем ради него. Почему? Вот вопрос.

– А как же Алечка? – сердито буркнул малыш.

Мариус стиснул челюсти. Он мог бы рявкнуть, сказать, что свою Алечку Тиберик никогда уже не увидит, но почему-то не стал.

Перед глазами все еще плясали кровавые капли, тяжелые, крупные, словно ягоды спелой малины. Мариус понятия не имел, что скажет Марго, что скажет Робин... Впрочем, он был хозяином особняка и мог делать все, что вздумается. Хоть крагха в клетке притащить.

– Пойдем, пожалуйста. Ешь свой рогалик, Тиб... Можно тебя так называть?

– Можно, – важно ответил мальчик и откусил кусок рогалика. – А где твой дом?

...Дом. Только крышу и видно из-за старых яблонь, чуть тронутых дыханием осени. Солнце в зените, играет на деревянной черепице, словно на чешуе мифического дракона. Мариус не был дома лет семь, а то и больше. Теперь надо все приводить в порядок, нанять, в конце концов, мастеров и молодых служанок в помощь Марго. Когда слух о том, что в Роутон прибыл новый приор Надзора, покатится по городу, наверняка потянутся с визитами. И наверняка Ровена узнает. Придет ли? Возможно – да, а возможно, и нет. С чего бы ей, если даже ребенка вытравила. В самом деле, зачем ей ребенок от неудачника, от стража. Но ребенок от приора – совсем другое дело.

Мариус поймал себя на том, что мысли поворачивают в самом нежеланном направлении. Ровена... Небось вышла второй раз замуж за кого-нибудь из удачливых торговцев. Небось вокруг нее уже орава ребятни и обязательная нянька, Ровена не из тех, кто будет марать руки о пеленки. Да и вообще, не надо

было им тогда жениться, ошибкой это было.

Он посмотрел на малыша, сидящего напротив. Когда открытый экипаж подкидывало на ухабах, Тиберик тоже подпрыгивал на скамье, таким легким был. Зачем ему этот мальчик? Вместо неслучившегося своего? Или подачка собственной совести, чтоб проглотила и головы не поднимала?

Мариус и сам не знал. Но почему-то тащил к себе в неухоженный дом ребенка. Можно было бы еще понять, если бы хотел подготовить его для службы Надзору... Но нет, Мариус совершенно не желал мальчишке своей судьбы и никогда бы не поступил так подло, как нынешний Магистр. Не спросив согласия, начав накачивать ребенка вытяжкой из Пелены, тем самым превращая человека в Стража Надзора.

Он поймал на себе задумчивый взгляд мальчика, поманил к себе. Взял тонкую руку, развернул малыша к себе спиной и указал на тускло блестящую крышу:

– Вон мой дом, Тиб. Почти приехали.

Малыш восхищенно выдохнул:

– А вы один там живете? А мы Алечку к себе возьмем?

Мариус промолчал. Потом сказал:

– Там, кроме меня, живут еще Марго и Робин. Марго тебе понравится, обязательно.

Последние полчаса они ехали уже через деревенское поле. Пахло нагретой на солнце землей, высоко в небе кружил ястреб.

– Ты помнишь своих родителей? – спросил Мариус. – Давно они ушли к Пастырю?

Тиберик нахмурился:

– Аля говорила, что мы с ней год уже как одни.

– Кто были твои родители, можешь сказать? Фамилию знаешь свою?

– Ритц. Мама Виллара, папа Фредерик.

– А чем они занимались?

– Я не знаю, – вздохнул малыш, – но у нас в доме всегда было много книг. Очень много. И большие, и маленькие, и тонкие, и во-от такие...

– Как так получилось, что вы оказались на улице? – пробормотал Мариус.

Но уже скорее самому себе.

Святой Надзор мог присвоить имущество двуликого, но только в том случае, если двуликий намеренно избегал запечатывания проклятия. Здесь же выходило, что мать и отец Тиберика погибли, а имущество непонятно куда делось. И ребенок за компанию с двуликой оказался выброшен на улицу.

Мариус вздохнул, все еще придерживая за плечо малыша рядом с собой. Придется заглянуть в архивы местного отделения Надзора и поинтересоваться, что там случилось с семейством Ритц, откуда в нем опечатанная двулика и почему Тиберика выбросили на улицу.

Повозка остановилась.

– Приехали, ниат! – прокаркал возница.

– Жди здесь. Я вернусь в Роутон.

Спрыгнул на землю, потом взял под мышки Тиберика и аккуратно поставил его рядом с собой. Вот так, крепко держа за руку, довел до калитки. Петли скрипели просто невыносимо, чугунные завитки давно следовало покрасить, но Робин ничего толком не делал. Возможно, уже и не ждал, что хозяин когда-либо вернется.

– А можно мне яблоко? – тихо спросил малыш. – Вон их сколько валяется.

– Марго даст тебе яблоко. Не с земли, не гнилое, а большое и красивое.

Тиберик вздохнул и умолк, о чем-то размышляя.

Так они по заросшей дорожке дошли до крыльца, поднялись по ступеням, и Мариус решительно дернул на себя ручку высокой и совершенно разошедшейся двери. Ночью, когда выволакивал из дома двуликую, как-то не было времени рассматривать собственное жилище, зато теперь – вот тебе, пожалуйста, последствия столь долгого отсутствия. Если в доме нет хозяина, дом начинает ветшать. В холле солнечный свет путался в лохмотьях паутины, свисающей с потолка. Можно, конечно, ткнуть в эту паутину Марго, но нянька слишком стара, ночью вот снова за сердце хваталась, все лепетала – куда вы, куда вы, ниат, эту девушку тащите, сжальтесь. Крагха он должен жалеть кого-либо! Двуликие тогда не пожалели ни мать, ни отца.

И ступени, ведущие наверх, пылью заросли. Правда, было видно, что Робин периодически прохаживается по ним метлой. Прямо дорожку посередине вымел.

– Как тут грязно, – озадаченно прокомментировал Тиберик. – Если вы здесь живете, почему никогда не прибирались? Вот Аля...

– Помолчи, – хмуро оборвал его Мариус. – Я тебя сейчас оставлю своей няньке, Марго, а сам вернусь в город. Надеюсь, у тебя хватит ума никуда не убежать? Сгинешь сам. Не выживешь.

– Хорошо, – Тиберик поднял лицо и забавно сморщился, – я не буду убежать.

Они добрались до комнаты, где раньше всегда по вечерам собиралась прислуга. Там у камина сидела в кресле-качалке Марго и что-то вязала. Пушистый котенок трогал лапкой клубок.

– Марго, – позвал Мариус, все еще крепко сжимая в руке детскую ладонь.

Женщина всполошилась, отложила в сторону рукоделие и вскочила с кресла, наверное, слишком резко, потому что тут же охнула и невольно схватилась за поясницу. Вот она, старость. Всегда что-нибудь болит, не сердце, так спина, не спина, так ноги.

– Ниат Эльдор! Ох, слава Пастырю... А я уж заждалась вас, пирожков напекла, таких, как вы любили, с яблоками...

И осеклась, уставившись на Тиберика. А Мариус молча смотрел на нее и с тоской думал, что жизнь его нянюшки стремительно катится к завершению. Как быстро. И как мало отпущено простому человеку. Ему очень не нравился восковой цвет морщинистого лица Марго, это было хорошо видно, когда она убрала волосы под белоснежный чепец. По-хорошему надо позвать лекаря, но... Еще никто и никого не исцелил от такой напасти, как старость.

– Вот, – сказал он, отпуская наконец детскую руку. – Это Тиберик Ритц. Теперь будет жить с нами. Накорми его и обустрой как-нибудь для него комнату. Там, где помещения прислуги.

Марго всплеснула руками.

– Ох, ниат Эльдор! Да где ж вы... – И, словно вспомнив что-то, посмотрела особенно пристально. – А что с девушкой?

Мариус коротко пожал плечами:

– В тюрьме. Получит, что ей причитается.

Доброе лицо Марго вытянулось, а взгляд вдруг потух. И, не глядя больше на Мариуса, она засеменила к Тиберику, протянула ему руку.

– Ну, малыш, пойдем? Меня зовут тетя Марго. Пойдем на кухню, там есть бульон и пирожки. Ты же, наверное, голодный?

Мариус вспомнил про пакет с рогаликами, хотел вручить его няньке, но та почему-то демонстративно отвернулась и повела мальчика прочь. Мариус огляделся, сгрузил рогалики на стол. Вот и пойми этих женщин. А ведь хотел как лучше. Что она себе надумала? Нет, ну в самом деле, не могла же она решить, что он отпустит мало того что воровку, так еще и двуликую?

– И все им не так, – буркнул себе под нос, – я еще и виноват выхожу. Наверное, надо было ей все деньги отдать и фамильные драгоценности в придачу? Нет-

нет, так дело не пойдет...

Почему-то снова он подумал о том, что маленький мальчик и двуликая каким-то образом оказались на улице. Если у родителей Тиберика было в доме много книг, они не бедствовали, это точно. А так-то... Пятилетний малыш и двуликая, которую с ее-то печатью никто не возьмет на работу. Что ей оставалось? Только в дешевый бордель. Но она предпочла другой способ заработка.

Постоял-постоял и пошел из дома. Его ждал экипаж, чтобы вернуться в Роутон. Настала пора нанести визит в отделение Святого Надзора.

На место своей службы он прибыл аккурат после обеда, когда дежурный зевал, похрустывая челюстью, а в коридорах Надзора было так тихо, что казалось, муху будет слышно. При виде нежданного посетителя дежурный недовольно нахмурился, а Мариус в свою очередь принялся с интересом его разглядывать. Совсем еще мальчишка, тощий словно жердь, черный мундир с серым кантом болтается на нем, как на вешалке. Дежурный тоже его рассматривал, и – надо же! – он не понимал, кто это явился в Надзор в черном же мундире, только с тройным золотым шнуром на груди.

– Чего желаете? – наконец соизволил спросить дежурный.

Мариус улыбнулся ему так, как до этого не улыбался Тиберику. Сладко и многообещающе.

– Мы желаем, – сказал он медленно, – чтобы нас проводили в кабинет приора Роутона и чтобы через десять минут там же был заведующий архивом.

Белобрысые брови дежурного поползли на лоб.

– А вы кто вообще, фьер? Не ошиблись, часом, дверью? Может, вам в дом умалишенных...

Но не договорил. Через мгновение его лицо встретилось со столешницей, еще раз и еще. Услышав хруст носа, Мариус отпустил недотепу и рявкнул:

– Встать! Как смеешь сидеть в присутствии приора? Почему не при оружии? Как вы тут, мать вашу, собираетесь Роутон защищать? Тарелками с кашей, а?

Хлюпая кровью, дежурный как-то очень быстро вывернулся из-за стола и метнулся в темень коридора. Мариус прислушался к суматошным звукам шагов, пожал плечами. Вероятно, прежний приор был человеком ленивым. Или очень слабым, распустил тут всех. Ну ничего. Теперь у Роутона есть новый приор, и уж он-то организует все правильно.

Через полчаса он уже сидел за письменным столом в собственном кабинете. И не беда, что по углам сидели откормленные пауки, а солнечный свет едва пробивался сквозь пыльные окна. Важно, что лампа на столе ярко горела, а перед дверьми навтыжку стояли пятеро, включая того самого парнишку со сломанным теперь носом.

– Так... – Мариус довольно потянулся, похрустел пальцами. – Это все? Все, кто служит здесь Надзору?

– Ну да, приор, – вздохнул обладатель пивного брюха и багровой физиономии.

Мариус представил себе, как он будет отбиваться от тварей роя, и ему даже смеяться не захотелось. Скорее плакать.

– Представьтесь, – бросил он, глядя в заплывшее лицо.

– Рейсон Кресс, ниат.

– Хорошо, – обвел прочих тяжелым взглядом. – Надеюсь, уже никому не нужно объяснять, кто я такой, а?

– Нет, – дружно прошелестело в кабинете.

– Мне не нравится, что я тут вижу, – продолжал Мариус. – Когда Магистр предложил мне это место, я принял его, потому что Роутон – моя родина, и моя задача защитить его от крагхов. Но что я здесь вижу? Зажравшихся, заплывших жиром, немощных, никуда не годных... У кого-нибудь из вас есть ступень стража?

Молчание.

Следовательно, стражей здесь не было.

– Приор Эймс был стражем, – кое-как прохлюпал парнишка.

– Я так понимаю, был единственный здесь страж, – холодно заключил Мариус. – И это тогда, когда Пелена так близко к Роутону...

Он помолчал. Почему-то ожидал иного, когда ступал в портал до Роутона. Ожидал увидеть бравых защитников, посвящающих все свободное время тренировкам. И что застал? Кучку жалких, никуда не годных... Стало горько и обидно. Почему Магистр не думает о городах на периферии земель Порядка? На кой столько стражей в столице, когда Пелена по окраинам?

– Стражи-то все в столице, – прокряхтел Рейсон Кресс, словно читая его мысли. – А нам-то что, мы люди маленькие.

– Никто не будет смотреть, какие вы люди, если произойдет прорыв, – мрачно ответил Мариус. – Впрочем, я буду думать, что с этим всем делать. А сейчас... Я хочу, чтобы мне принесли из архива дело семьи Ритц. Кто из вас заведует архивом?

– Так я ж и заведую, ниат, – пробурчал Кресс. – Сейчас, сейчас все будет. Извольте подождать минутку.

– Я подожду три минуты. Через три минуты с вашим носом будет то же самое, что и с этим, – кивнул он, указывая на бедолагу-дежурного. – А теперь все вон! Приведите себя в порядок. И приведите в порядок здание Святого Надзора.

Наверное, он произвел нужное впечатление на сотрудников, потому что тоненькая картонная папка лежала на столе ровно через три минуты.

– Так быстро? – Мариус только бровь приподнял.

– Так, приор, дел мало в Роутоне. Это последнее, сверху лежало, – слегка заикаясь от страха, пробулькал Кресс и попятился к двери.

– Идите, идите. – Мариус откинулся в кресле. – И даю вам совет. Прекращайте заправляться пивом, Кресс. Твари роя любят потрошить таких вот пузатых. Внутренности жирненькие, они их любят.

Кресс поперхнулся и ретировался так быстро, как мог. А Мариус остался один на один с папкой из желтого картона.

Он несколько запоздало пожалел о том, что не перекусил дома (но дома Марго почему-то разобиделась и обедать не позвала) и что не потребовал кофе в кабинет. Ерунда. Поужинает, как вернется. Сейчас его интересовало дело семьи Ритц, и Мариус углубился в чтение.

Дело состояло из пары тонких листков, испещренных каллиграфически выведенными буквами. Пробежавшись глазами по сухим официальным предложениям, Мариус понял две вещи: во-первых, Алайна Ритц была приемной в этой семье. Во-вторых, семья была далеко не бедной, отец занимался переплетом книг, но все имущество волшебным образом испарилось, когда супруги Ритц отправились с детьми на пикник куда-то ближе к Пелене и там погибли. Их растерзанные тела были найдены на лужайке, рядом была раскидана снедь, скатерть, салфетки. И труп крагха. В тот самый миг, когда Тиберик отошел к ручью, на людей напал крагх, и тогда же в приемной Алайне всколыхнулось проклятие двуликости. Она не успела спасти приемных родителей, но чудом умудрилась выпотрошить крагха. Вернулась в Роутон с Тибериком, сама пришла в Надзор, «где ей была поставлена печать второго уровня, выполненная приором Роутона лично». А потом дело неожиданно закрыли. И ни слова о том, почему Тиберик, законный наследник, остался без имущества.

Мариус нервно кусал губу.

Происходило в Роутоне что-то неприятное, грязное.

Он встал из-за стола, выглянул в коридор и рявкнул во всю силу легких:

– Кресс! Кресс, а ну, ко мне!

Дальше было еще интереснее.

Мариус постучал ногтями по картонной папке, глядя в узкие темные глаза заведующего архивом.

– Скажите-ка мне, Кресс, куда делось имущество приемных родителей Алайны Ритц?

– Она оказалась двуликой, – пропыхтел мужчина, – по закону она наследовала имущество родителей, и в то же время имущество двуликих отходит Святому Надзору.

– Да вы что? Не знал, не знал.

Знал на самом деле, только вот здесь иной случай.

– Это приор Эймс так говорил.

– Алайна Ритц не была единственной наследницей, ее младший брат мог наследовать родительский дом. Куда они делись потом, эти дети?

Кресс пожал плечами:

– Я не знаю, приор. Возможно, девка пошла работать в бордель. Помнится, ей печать вlepили на полрожи. Куда ей в таком виде? Только туда, где на лицо никто и смотреть не будет.

– А мальчик?

– А мальчик, возможно, умер. Дети, знаете ли, мрут как мухи.

Мариус скрипнул зубами и глянул на Кресса так злобно, что тот съежился и качнулся всем телом назад.

– Имущество семьи Ритц действительно перешло Надзору? Отвечайте, Кресс. Только правду. И все, что знаете!

– Приор все загреб. А потом дом перепродал кому-то, я не знаю кому.

– Служитель Святого Надзора нагрел руки на этом деле?

Кресс пожал плечами:

– Да бросьте, приор! Можно подумать, столичные так не делают. Девка могла унаследовать все имущество, но она оказалась двуликой. Мальчишку списали со счетов. Ну а имущество двуликих, всем известно...

– Пошел вон, – прошипел Мариус. – Пошел вон, иначе я тебя сейчас по стене размажу.

Кресс дернулся, посмотрел обиженно:

– Да за что, приор? Можно подумать, это я руки нагрел.

– Это Святой Надзор, придурок! – Мариус рявкнул во всю силу легких. – И если я хоть раз еще услышу нечто подобное, все отправите на виселицу! Все до единого!

Когда хлопнула дверь, Мариус уронил лицо в ладони. Роутон, его Роутон оказался на диво грязным местом. И покойный ныне приор вытворял здесь то, что совершенно не подобает служителю Надзора. Встреча с действительностью оказалась куда менее приятной, чем ожидал. Хорошо еще, что мальчишку привел домой, н-да...

Глава 2

Алайна Ритц

Ее, не церемонясь, снова швырнули на каменный пол. Алька не успела сгруппироваться, ударилась коленями и локтями, слезы так и брызнули.

– Посиди тут до вечера, – прозвучал сиплый голос, – да не нагадь! Мыть потом за тобой.

– Иди к крагхам, – огрызнулась устало. – Помоешь.

Хорошо, что тюремщик уже запирает снаружи дверь, иначе наверняка бы захотел вернуться и объяснить неудачливой воровке, что стоит, а чего не стоит говорить.

Всхлипывая, Алька отползла в угол, привалилась спиной к стене и застыла, стиснув руками голову. Лоб и щеки пылали, треклятая печать Надзора по-прежнему ввинчивалась обжигающе-горячими корешками под череп, но уже не так, как в том доме. Там ей вообще казалось, что умирает и нет спасения ни ей, ни брату. Впрочем, его и так не было.

«Чтоб тебя крагхи сожрали», – подумала с внезапной ненавистью Алька о том мужике, который так ловко ее стреножил и отволок к судье Бриссу.

Конечно же, при ее везучести, она попала в дом к стражу Надзора. То-то ее так и проняло. То-то он ее чуть не пришиб. Алька почти кожей ощущала исходящую от него ненависть, яркую, пламенеющую. А как он ей на шею наступил? Чуть не сломал, козлина. Ну и теперь... А что теперь? Ей отрубят руки. Алька была готова поклясться, что именно этот страж позаботился о наказании. Обычно пойманным с поличным ворах всыпали розог. Если ловили повторно – да, рубили руку. Но не две.

– Чтоб тебя крагхи сожрали, – повторила она шепотом и облизнула растрескавшиеся губы.

Это же надо быть такой сволочью!

Тем более что на момент поимки у Альки при себе не было ни одной краденной вещи.

Голова по-прежнему болела. Дергало горячо и надоедливо со стороны печати и дальше за глазом, до затылка. Алька прислонилась больной стороной к холодным камням в надежде, что полегчает. Надо было думать – причем быстро, – как спасти Тиба. Она ведь обещала маме и папе, что будет заботиться, ежели что случится. И вот случилось.

Наверное, сам Небесный Пастырь вмешался, отправив Тиберика и Альку к ручью в тот солнечный осенний денек. И верно, тот же Пастырь позаботился о том, чтобы Тиберик увлеченно играл с пойманным лягушонком, пока Алька решила сходить за хлебом и ветчиной.

Увиденное зрелище отпечаталось в памяти, словно полотно безумного художника. Мама и папа лежали на траве, изломанные, страшные, бледные и вымазанные в земле и крови. Кровь была повсюду – на одежде, на траве, на смятой скатерти. Алька успела глянуть в неподвижные глаза мамы и, казалось, медленно каменела и умирала сама. А потом откуда-то сверху, из древесной кроны, вывалилось нечто. Он был похож на человека, очень похож. Только за спиной огромные крылья и вместо волос перья, и эти перья обрамляют перекошенное от ярости лицо. Глаза кровью налитые и совершенно безумные. В тот миг она даже не поняла, что существо было в одежде, видела только коричневые перья на руках, слипшиеся от пролитой крови.

Существо смотрело на Альку, крылья подрагивали за спиной, ветер шевелил перышки на голове. А потом тварь указала на Альку страшным когтистым пальцем и прохрипела:

– Ты. Идешь за мной. Пора возвращаться.

Она так и не поняла, что с ней случилось. Мир словно подернулся серой хмарью, тело странно изогнулось, хрустнуло внутри. Звук был такой, как будто кухарка тяжелым ножом рубила куриную тушку. Алька посмотрела на свои руки – сквозь бледную кожу просвечивал ряд ярко-синих перышек, по всему предплечью. А вместо аккуратно подстриженных ногтей – жуткие черные когти, загнутые, острые, как у ястреба.

И тогда, заверещав, она вдруг прыгнула на убийцу родителей.

Он то ли не успел, то ли не смог защититься. Это было странно, он ведь был большим и сильным. А она его выпотрошила без особых усилий. Тогда хотелось убивать. Не важно как – за маму и папу.

...Она сипло рассмеялась и посмотрела на свои руки. Бледные и худые, с обломанными ногтями. И кожа вот содрана на запястьях, браслеты наручников как будто специально с заусенцами.

Скоро, очень скоро у нее и таких рук не будет. И тогда останется просто умереть, потому что никому не нужна безрукая.

«Ты-то умрешь, да. Но как же Тиберик?»

Щеки вспыхнули снова, стоило вспомнить, как она умоляла стража спасти мальчика. Да, надо признаться себе самой: в те мгновения она была готова вылизать гаду сапоги, да и вообще сделать все что угодно, только бы он забрал Тиба и сдал в приют. В приюте хотя бы не дадут умереть с голоду. А так-то... Даже если маленький послушный Тиберик сможет выбраться из окна, куда он пойдет? Кому нужен будет?

Алька поняла, что по щекам снова текут слезы. Подняв лицо к единственному окошку, она мысленно молила Пастыря, чтобы спас хотя бы малыша. С тем, что сама скоро умрет, уже смирилась.

«Он ни за что не пойдет разыскивать Тиба, – мысль отдавала полынной горечью, – это страж. Сколько ни умоляй, хоть в лепешку расшибись – все без толку».

Перед мысленным взором невольно возникло холодно-отрешенное, очень злое лицо мужчины. Сжатые в тонкую линию губы, нос с горбинкой, высокие скулы и взгляд черных глаз – странный, как будто направленный внутрь себя, как будто и не было Альки. Он не на нее смотрел, а на сполохи давних своих воспоминаний. Что там такое было? Она не знала, да и не очень хотела знать. Самое главное, что от такого пощады не дождешься.

И это означало, что сделать первые шаги по спасению Тиба должна она сама. Но как?

Никак. Она была совершенно беспомощна. Даже наручники так и не сняли.

Ее одолевала странная усталость, и холод, что шел от стены, почти не чувствовался. Алька еще раз потрогала лоб – горячий. Или руки совершенно ледяные. Вздохнув, она прикрыла глаза. Пить хотелось. И есть. Но к голоду она привыкла, а вот жажда мучила. Во рту как будто песку насыпали, и губы болят, потрескались, когда она вопила, в то время как страж применил магию Надзора.

«Мне нужно, чтобы кто-то забрал Тоба и отвел его в приют».

Кряхтя, Алька поднялась с трудом на ноги, доковыляла к двери, тяжелой, темной от времени, и что есть силы ударила в нее кулаками.

- Эй! Откройте! Кто-нибудь!

Ответом была звенящая тишина. Звуки вообще умирали в тюрьме еще до того, как их кто-нибудь слышал. Все правильно, тюрьме не нужны свидетели.

Алька еще несколько минут побарабанила в безликую и равнодушную дверь, даже попыталась попинать ее ногами - все тщетно. Она снова заползла в свой угол, прижалась левой щекой, в которой все еще пульсировала боль, к холодному камню.

«У приговоренных бывает последнее желание, - вяло вспомнила она, - остается только это».

Закрыла глаза. И незаметно сползла в тяжелую, не приносящую никакого отдыха, дрему.

Но там было хорошо. Можно положить голову на колени маме, вдыхать запах ландышевых духов и слушать, слушать. Ты растешь такой красавицей, Алечка. Знаешь, мы с папой ни разу не пожалели, что оставили тебя у себя. Когда я нашла на пороге сверток, я перепугалась жутко. Думала, что двуликие подбросили ребенка. А ты оказалась самой обычной, здоровой девочкой.

«Как же ты ошибалась, мама».

Алька вскинулась, когда загрохотал отпираемый замок. Тело как будто макнули в прорубь, от ужаса забыла, как дышать. Неужели вот оно? Так рано? Ведь день в разгаре!

Она даже подняться не успела, как дверь лязгнула о стену, и в камеру ввалился тот самый охранник, который и волок ее сюда. По перекошенной роже было видно, что недоволен он происходящим, ой недоволен. Но почему? Что такого она сделала?

– Поднимайся, ты! – рявкнул злобно.

И, не дожидаясь ответа, в два шага пересек разделявшее их пространство, схватил Альку за шиворот и дернул вверх так, что внутри все екнуло.

– Давай шевелись, шевелись! – И тут же, подлив в голос яда, добавил: – Светлейший приор Надзора желает тебя видеть. Крагхи бы его побрали с его поучениями...

И тут в голове Альки наконец начала оформляться хоть какая-то мысль. Наверное, охранник так зол, потому что сейчас ему досталось от упомянутого приора. Но приор Эймс ведь умер, так говорили.

Чувствуя себя тряпочкой в крепкой руке, Алька кое-как успевала перебирать ногами. Мимо мелькали небеленые стены; потом сообразила, что ее снова притащили к кабинету судьи Роутона. Дверь была красивой, новой, с золоченой табличкой и контрастировала с серыми, затертыми до сального блеска стенами. Тут охранник остановился, метнул на Альку раздраженный взгляд и очень деликатно постучал.

– Позвольте?

– Да, введите приговоренную, – глухо прозвучало в ответ.

Светлое полотнище двери мелькнуло перед глазами, и Алька растерянно уставилась на судью Брисса. Затем перевела взгляд на еще одного присутствующего и невольно съежилась. Хотелось стать маленькой-маленькой, с муравья, чтобы незаметно обратиться куда подальше.

Страж, тот самый. Он спокойно стоял у окна, повернувшись спиной к присутствующим и тем самым красноречиво давая понять о своем отношении ко всему происходящему.

Алька уставилась на его широкую спину, затянутую в черную ткань формы Надзора, и тут ее словно тряхнуло. Ей сказали, что приор желает ее видеть. Так что ж, выходит, она со своей везучестью умудрилась залезть именно в дом нового приора Надзора? Взгляд невольно пополз чуть выше – к коротко

остриженному затылку. Под линией роста волос начинался толстый рваный шрам и уродливой многоножкой прятался куда-то под воротник.

В животе сделалось противно щекотно, все как будто замерло, сжалось в тугой комок, и Алька невольно попятилась, чтобы упереться спиной в охранника. Брисс окинул Альку долгим сочувственным взглядом.

– Вы уверены, что не измените решения, приор Эльдор? Несколько часов назад вы требовали, чтобы девушке отрубили обе руки вместо одной, теперь требуете права выкупа.

– Обстоятельства изменились.

Алька съежилась еще сильнее. Точно, он ведь хотел лишить ее обеих рук. Да что ж за чудовище такое...

– По уложению эти пять лет она должна оставаться жива, – нерешительно напомнил Брисс.

– Хотите сказать, что будут проверки?

Альке в спокойном голосе почудилась усмешка.

Судья смутился и умолк.

– Не тяните время, Брисс, тем более что надлежащую сумму я уже внес. Ошейник.

Алька затравленно уставилась на судью. Ноги подгибались от ужаса. Что они там еще придумают?! Какой, к крагху, ошейник?

Судья вздохнул и внезапно улыбнулся. Едва заметно, уголком рта – но улыбнулся, и именно ей, Альке.

– По желанию приора Святого Надзора, фье Алайна Ритц, вы приговорены к рабству сроком на пять лет. Подойдите ближе, я должен надеть на вас Знак Повиновения.

Ее подтолкнули в спину, и Алька механически сделала несколько шагов вперед. Судья Брисс поднялся, обошел стол, и она увидела в его руке тонкий ремешок из грубой кожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Фье – обращение к женщине или девушке низшего сословия.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shtern_oliviya/strazh-ee-serdca

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)